

ФОРМАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УПРЕКА В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

Р. И. Шмурак

Чжэцзянский университет
310058, Китай, г. Ханчжоу, ул. Юйхантан, 866
Поступила в редакцию 15.03.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-6

Статья посвящена формальным средствам выражения упрека в русском дискурсе, а также методам их выявления средствами корпусной лингвистики. Теоретическим фундаментом статьи является тезис о существовании в языке «истинных» упреков, способных функционировать в дискурсе автономно и быть адекватно понятыми без обращения к контексту. Практический компонент статьи реализуется в описании процедуры корпусного поиска формальных средств выражения упрека и примеров использования этой процедуры. Методологически статья предполагает дистанцирование от синтетических позиций прагмалингвистики, доминирующей в российском языкознании настоящего времени, и обращение к упреку как строго лингвистическому объекту, имеющему свои конкретные дискурсивные реализации. Такой подход становится возможным благодаря методам корпусной лингвистики, позволяющей «визуализировать» абстрактные конструкции на основе массивов реально существующих языковых данных.

Ключевые слова: упрек, корпусная лингвистика, конструкции, НКРЯ, речевая агрессия

Упрек как феномен дискурса не новый объект для исследований последних десятилетий. Предпосылкой интереса к упреку стали сильные позиции прагмалингвистики в российском языкознании конца XX — начала XXI века. В русле прагмалингвистики зародился антропоцентрический принцип, подразумевавший обращение к наукам о человеке, — объекты исследований из «строго» лингвистических стали «синтетическими», находясь на стыке двух и более областей человеческого знания. Синтетический подход с его пристальным вниманием к содержательной стороне изучаемых феноменов, а также негативная в целом оценка идей структурализма привели к появлению в рамках прагмалингвистики еще одной тенденции — антиформализма. Антиформализм глубоко укоренился в традиции современного языкознания и выступает, в частности, в качестве негласного табу на рассмотрение лингвистических объектов вне контекста.

В 90-х годах XX века означенные тенденции (антропоцентризм, синтетичность и антиформализм) обусловили всплеск интереса лингвистов к языковым явлениям, которые условно могут быть обозначены

рядом терминологических сочетаний-синонимов «речевая (словесная, языковая, вербальная, коммуникативная) агрессия, язык вражды, словесный экстремизм, дискурс ненависти» (Воронцова, 2006, с. 6–7).

Применительно к упреку все работы этого плана могут быть разделены на две части:

1) исследования по речевой агрессии, где упрек упоминается, но не является центральным объектом изучения;

2) специализированные исследования, имеющие своим фокусом непосредственно упрек.

Доля работ первого типа превалирует, в целом они прагмалингвистичны по своей природе, при этом упрек освещается в них вне рамок единого терминологического аппарата (см., например: Власова, 2005, с. 39; Гулакова, 2004, с. 79; Лаврентьева, 2006, с. 81; Петрушина, 2005, с. 11; Седов, 2005, с. 96; Щербина, 2004, с. 63).

Специализированные исследования по упреку второго типа также в подавляющем большинстве созданы в рамках прагмалингвистического подхода, на что указывают уже сами названия работ (см., например: Каразия, 2004; Науменко, 2014; Чернецкий, 2015). Важный вклад в изучение упрека вносят исследования, выполненные в рамках контрастивной парадигмы (см., например: Давыдова, 2003; Федорова, 2004) и теории речевых жанров (см., например: Сороченко, 2007; Максимюк 2017).

Таким образом, несмотря на существование множества альтернативных позиций, упрек в современном российском языкознании в целом рассматривается в русле прагмалингвистической традиции с ее вниманием к контексту. Облигаторность контекста для восприятия упрека – один из наиболее встречаемых постулатов, декларируемых исследователями (см., например: Давыдова, 2003, с. 41; Науменко, 2014, с. 306). На наш взгляд, такая интерпретация упрека для наглядности может быть передана упрощенной формулой, которая на метауровне объединяет большинство работ по упреку: *Всякий упрек требует контекста для понимания*¹.

Тезис, что контекст выступает ключевым средством формирования упрека, представляется неоспоримым. Любое «безобидное» высказывание в определенном контексте способно превратиться в упрек:

1. *Ты не купил воду?*

2. *Ты не купил воду? Как нет? Вот всегда ты так!*

В первом случае вопрос «Ты не купил воду?» не имеет контекста и по умолчанию нейтрален, тогда как во втором, благодаря контексту, присутствует выраженный упрек.

Однако факт ключевой роли контекста в создании упрека не является априорным доказательством того, что упрек и контекст неразделимы. Напротив, невозможно игнорировать многочисленные дискурсивные примеры автономного существования упрека вне контекста: «Тебе лишь бы спорить», «Тоже мне ученый выискался», «Вечно ты кричишь», «А еще друг называется» и др.

¹ Более подробную аргументацию этого положения см. в нашей статье (Шмурак, 2020).

Такие высказывания служат для носителя языка однозначным сигналом упрека как в контексте, так и вне его. По нашему мнению, подобные дискурсивные употребления представляют собой множество реализаций абстрактных конструкций в том виде, как термин «конструкция» понимается в современных исследованиях, выполненных в рамках «грамматики конструкций» (см., например: Goldberg, 1995; Рахилина, 2010). Наглядным примером может служить конструкция упрека «Тебе + лишь бы + инфинитив». При любой семантике инфинитивного компонента конструкция всегда будет выражать упрек («Тебе лишь бы спорить / смеяться / есть / завидовать / спать / играть / отдыхать...»), что очевидно указывает на ее формальную природу.

Таким образом, мы предполагаем, что в языке помимо «контекстуальных» упреков (чье значение выводимо из соответствующего контекста) существуют «истинные» упреки (то есть такие, которые способны функционировать в дискурсе автономно и могут быть поняты вне контекста)². Исходя из этого, мы предлагаем уточнить формулу функционирования упрека в дискурсе: *Всякий упрек может быть понят из контекста, но не всякий упрек требует контекста для понимания*. Логическая последовательность, позволяющая «визуализировать» данную формулу, представлена следующим паттерном.

1. В русском языке существуют «истинные» упреки, являющиеся реализациями абстрактных конструкций.

2. На конкретном уровне дискурса абстрактная конструкция представляет собой формальное средство выражения упрека.

3. Выявить формальные средства выражения упрека методом «прямого» наблюдения представляется сложной задачей: в сравнении с формальными средствами грамматики их процент в языке незначителен. Однако формальные средства выражения упрека могут быть «визуализированы» опосредованно, с помощью инструментов корпусной лингвистики. Основным инструментом данной «визуализации» выступает Национальный корпус русского языка (НКРЯ), вспомогательным — Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ).

4. «Визуализация» формальных средств выражения упрека предполагает два этапа:

- этап предварительного сбора материала;
- этап корпусного поиска.

5. Поисковая система НКРЯ, позволяющая осуществлять не только «точный поиск» лексем, но также создавать составные «неоднородные» запросы, содержащие одновременно как лексемные, так и грамматические, семантические, синтаксические и другие характеристики («лексико-грамматический поиск»), делает возможным проверку самих конструкций, а не их отдельных реализаций в дискурсе.

² Здесь и далее в статье термин «истинные» упреки будет использован именно в таком понимании.

6. Ключевым критерием, на основании которого делается вывод о природе конструкции, является уровень ее *специфичности* к упреку. Под «специфичностью» понимается процент упреков в выдаче на данную конструкцию. Наличие в поисковой выдаче по потенциальной конструкции 90–100 % результатов с семантикой упрека будет служить убедительным доказательством регулярности конструкции и, следовательно, ее функционирования в языке в качестве формального средства. Уровень специфичности менее 90 % рассматривается как индикатор отсутствия регулярности и невозможности функционирования конструкции в языке в качестве формального средства выражения упрека.

Экспериментальная реализация представленного выше паттерна «визуализации» формальных средств упрека инструментами корпуса выявила следующие закономерности.

I. Проблема «первого шага»

Этап корпусного поиска подразумевает существование предварительно собранного материала — списка потенциальных конструкций упрека. Создание такого списка является ключевым и вместе с тем самым уязвимым, с позиции объективности, звеном «визуализации». Проблема «первого шага» инициирована интеллектуально-психологическими процессами и имеет субъективную природу: список конструкций несет на себе отпечаток личности исследователя, его интуиции и научной картины мира и мотивируется рационально лишь *post factum*.

II. Маркеры упрека и формальные средства его выражения

С проблемой «первого шага» соотносится системный феномен, обнаруживающий себя на предварительном этапе сбора материала и оказывающий глобальное влияние на процесс создания списка потенциальных конструкций.

Конструкции упрека в силу своей абстрактности «невидимы», то есть не могут быть «сознательно» восприняты носителем языка при взаимодействии с дискурсом как готовые структуры. При сборе предварительного материала исследователь *воспринимает* не сами конструкции, а сигнальные «отрезки» дискурса, которые не имеют системной природы конструкций, но способны указать на их наличие. Подобные сигнальные «отрезки» лишены синтаксической и смысловой завершенности или имеют серьезные ограничения своей автономности. В большинстве случаев такой «отрезок» входит в состав конструкции и, по сути, представляет собой *маркер* упрека.

Маркер упрека — субъективная единица этапа предварительного сбора материала, сигнальный «отрезок», помогающий исследователю «заподозрить» потенциальную конструкцию упрека и способный указывать на наличие в данном локусе дискурса «истинного» упрека, выраженного *формальным средством*.

Формальное средство выражения упрека – объективная единица этапа корпусного поиска, потенциальная конструкция, чей уровень специфичности к упреку составляет 90–100 %, что подтверждается статистическими данными по результатам выдачи на этапе корпусного поиска.

Маркеры упрека неоднородны по своей природе и могут быть условно разделены на две группы, которые мы будем называть маркеры 1-го приближения и маркеры 2-го приближения. В основе этого деления лежит интуитивное восприятие исследователем «диагностической ценности» маркера упрека.

Маркеры 1-го приближения

К маркерам 1-го приближения следует отнести слова и сочетания, которые в силу своей семантики более других «предрасположены» к появлению в упреке. Лексема «зря» имеет следующие значения:

ЗРЯ, нареч. Разг.

Попусту, напрасно, без надобности. (БАС, 1955, т. 4, с. 1343).

ЗРЯ, нареч. Разг.

1. Не достигая цели, без пользы, без результата.

2. Без достаточных, серьезных оснований, без необходимости, без надобности (МАС, 1985, т. 1, с. 623).

Выявление этой лексемы в процессе дискурсивного анализа служит маркером возможного упрека:

А так вообще-то только зря переводили продукты, паразиты! [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)].

В то же время количество результатов вне семантики упрека будет также значительно:

Командование группировки старается зря не рисковать человеческими жизнями и “обрабатывает” подозрительные места ракетными ударами с вертолетов [Евгений Чубаров. Взрывы под совещание. В Чечне продолжились теракты и заседания // Известия. 2001. 07.02].

Следовательно, маркер 1-го приближения лексема «зря» служит для исследователя основанием «заподозрить» существование формального средства выражения упрека в данном локусе дискурса и начать поиск маркера 2-го приближения.

Маркеры 2-го приближения

Маркер 2-го приближения «зря + личное местоимение» гораздо точнее свидетельствует о наличии «истинного» упрека в дискурсе:

И зря ты, мил человек, колбасу брезгуешь покушать» [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2001. №8].

Как и в случае с маркером 1-го приближения лексемой «зря», вероятность результатов выдачи вне семантики упрека все же остается:

И невольно думаешь — не зря мы всё же перенесли жестокое время» [Василий Гроссман. Все течет (1955–1963) // Октябрь. 1989. №6].

Формальные средства выражения упрека

В процессе изучения дискурсивных реализаций маркера 2-го приближения «зря + личное местоимение» отчетливо прослеживается закономерность: подавляющее большинство примеров, имеющих в своем составе личное местоимение 2-го лица, являются упреками вне зависимости от контекста. Ожидаемая высокая специфичность к упреку конструкции «зря + личное местоимение 2-го лица» требует перехода к этапу корпусного поиска. Ввод конструкции в лексико-грамматический поиск НКРЯ по всем корпусам дал на 10.02.2020 г. следующие результаты: 2032 вхождений / 169 вне семантики упрека.

В целом все вхождения вне семантики упрека могут быть распределены на две условные группы:

– примеры, имеющие в составе «не» перед «зря» (« – *Не зря ты мне сразу понравился*» [Максим Милованов. Естественный отбор (2000)]);

– примеры со стертой семантикой упрека (« – *Болеыщики вам доказали, что вы зря их боялись?*» [Дмитрий Пономаренко. Главный тренер «Локомотива» Петр Воробьев: В теплице победителей не вырастишь! // Советский спорт. 2011. 12.12]).

Сама возможность такого деления является косвенным аргументом в пользу формальной природы конструкции и позволяет надеяться увеличить ее специфичность к упреку путем дальнейшего уточнения параметров корпусного поиска. В то же время, приняв во внимание «отрицательные» результаты, мы можем высчитать специфичность конструкции к упреку, которая составляет 91,6 %, что позволяет отнести конструкцию «зря + личное местоимение 2-го лица» к формальным средствам выражения упрека в русском дискурсе.

III. Алгоритм корпусного поиска формальных средств выражения упрека

Как упоминалось выше, сформированный на базе маркеров список потенциальных конструкций упрека позволяет перейти от этапа сбора материала к этапу корпусного поиска. Данный этап является наиболее объективной и унифицированной частью паттерна «визуализации» формальных средств выражения упрека благодаря возможности использовать алгоритм процедуры поиска, представленный на рисунке.

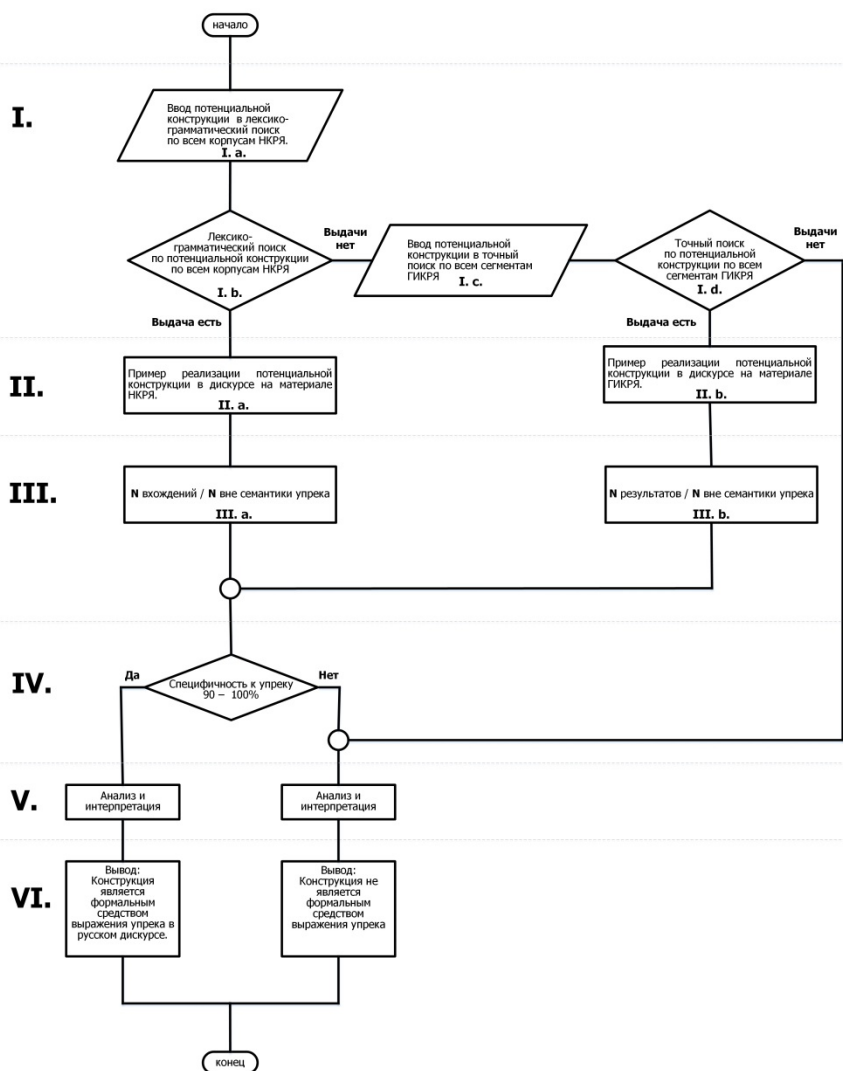

Рис. Алгоритм процедуры корпусного поиска формальных средств выражения упрека

IV. Проблема «последнего шага»

Проблема «последнего шага» инициирована неизбежным субъективизмом анализа и интерпретации корпусных данных и проявляется себя в *относительности* статистики.

Представляется очевидным, что основа корпусных исследований — статистика. Однако статистика «точных цифр», являющаяся базой инженерных и естественно-научных работ, не применима для «визуализации» формальных средств выражения упрека инструментами корпуса в связи с факторами, перечисленными ниже.

1. Выдачи на один поисковый запрос в разных корпусах (например, НКРЯ и ГИКРЯ) могут различаться на порядки. Это свидетельствует о зависимости статистики от типа корпуса, его объема, программных решений, от источников и других факторов.

2. Вариативность, неизбежная для реализации абстрактных конструкций, критически влияет на цифры статистики. Например, выбор, учитывать ли конструкции упрека «ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией» и «ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты» как варианты одной конструкции или как две разные конструкции, остается на усмотрение исследователя.

3. Статистика очень чувствительна к параметрам ввода в поиск корпуса. Большинство конструкций упрека представляют собой сложные неоднородные структуры, состоящие из лексем, грамматических, семантических, синтаксических и других характеристик. Конструкция «подлежащее, выраженное личным местоимением 1-го лица ед.ч. + обстоятельство, выраженное количественным сочетанием, включающим в себя круглое число и слово «раз» + сказуемое в прошедшем времени, выраженное глаголом речи» является тому иллюстрацией: «Я сто раз говорила, не трогать карты. Других игр нет?» [М.М. Рошин. Спешите делать добро (1979)]. Малейшее изменение параметров ввода в подобной конструкции (например, увеличение или уменьшение расстояния между элементами) приведет к существенному изменению цифр поисковой выдачи.

4. Техническая невозможность «вручную» обработать данные в случае получения больших объемов корпусной выдачи (тысячи-десятки тысяч примеров) следует также отнести к погрешностям, влияющим на статистику.

5. Интеллектуальная вовлеченность исследователя в процесс обработки данных является одним из факторов, оказывающих влияние на статистику. Проблема может быть описана классической максимой Р. Коуза: «If you torture the data long enough, it will confess»: «Если достаточно долго мучить данные, они признаются в чем угодно» (цит. по: Klein, 2001, p. 84).

6. Изменение цифровых значений выдачи из-за воздействия временного фактора — еще одна причина относительности статистики. Пополнение корпуса новыми текстами приводит к увеличению цифр поисковых выдач на один и тот же запрос в течение относительно короткого промежутка времени (1–6 месяцев).

7. Идентичные примеры в составе выдачи разных подкорпусов НКРЯ ставят исследователя перед проблемой их учета в общей статистике: учитывать ли их в качестве одного примера или в качестве отдельных статистических единиц. В зависимости от решения исследователя цифры статистики будут меняться.

Важно отметить, что описанные выше факторы «последнего шага», хотя и делают невозможной статистику «точных цифр», однако не являются препятствиями для эффективного применения относительной статистики с целью анализа и интерпретации формальных средств выражения упрека, полученных корпусным поиском, как это было продемонстрировано выше.

V. Некоторые замечания относительно функционирования формальных средств выражения упрека, полученных корпусным поиском

Ниже представлен ряд закономерностей, присущих функционированию в русском дискурсе «истинных» упреков, выраженных формальными средствами.

1. Для формальных средств выражения упрека характерна корреляция между «строгостью» корпусного запроса, цифрами выдачи и специфичностью конструкции. Данная зависимость может быть сформулирована следующим образом: чем строже условия поискового запроса, тем меньше числовое значение выдачи и выше специфичность конструкции к упреку (табл. 1).

Таблица 1

Корреляция между «строгостью» корпусного запроса, цифрами выдачи и специфичностью формального средства выражения упрека

Маркер и формальное средство упрека	Маркер 1-го приближения	Маркер 2-го приближения	Формальное средство упрека
	<i>зачем ты</i>	<i>зачем постоянно</i>	<i>зачем + ты + постоянно</i>
Параметры ввода	зачем на расстоянии от 1 до 3 от ты пом	зачем на расстоянии от 1 до 3 от постоянно	зачем + на расстоянии от 1 до 3 от ты пом на расстоянии от 1 до 3 от постоянно
Выдача	2128 документов, 4490 вхождений	27 документов, 29 вхождений	7 документов, 8 вхождений
Пример упрека	«Ну <i>зачем же ты такой поехал-то?!</i> » [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый мир. 2001. №2]	« <i>Зачем вам постоянно напоминать мне об этом моем кресте – что он, недостаточно тяжел?</i> » [Ю. Домбровский. Рождение мыши (1951–1956)]	<i>Зачем ты мне постоянно это снова и снова напоминаешь?</i> [Евгений Гришковец. Город (2001)]
N вхождений / N вне семантики упрека	—	29 вхождений / 10 вне семантики упрека	8 вхождений / 0 вне семантики упрека
Специфичность	—	65,5 %	100 %
На материале основного корпуса НКРЯ, 20.02.2020			

2. Как было упомянуто выше, работы многих авторов в области речевой агрессии косвенно затрагивают упрек как вид конфликтного дискурса. Некоторые из этих работ содержат ценные догадки о формальной стороне упрека, которые подтверждаются данными корпусного исследования. Показательным примером являются конструкции, использованные М. В. Петрушиной в качестве иллюстрации термина «модальный оператор неодобрения» (Петрушина, 2005, с. 84). Предложенные М. В. Петрушиной конструкции были модифицированы нами

с целью их уточнения и включения в семантическое поле упрека. Проверка средствами корпуса подтвердила существование подобных конструкций в русском дискурсе в статусе формальных средств выражения упрека (табл. 2).

Таблица 2

**«Модальный оператор неодобрения»
и формальные средства выражения упрека**

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку, %	Пример реализации в дискурсе
«найти (прошедшее время) + вопросительно-относительное местоимение / местоименное наречие + инфинитив»	97,8	« <i>Нашел, что ребенку привезти!</i> » [Зинаида Синявская. Пазлы // Сибирские огни. 2013. №4]
«ну + что + за + одушевленное существительное»	95,6	« <i>Спросить нельзя, господи, ну что за люди!</i> » [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]
«ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией»	97	« <i>Ну ты и сволочь, – только и могла сказать Ольга</i> » [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]
«ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты»	100	« <i>Ну и сволочь же ты, Гоша!</i> » [Алексей Слаповский. Синдром Феникса // Знамя. 2006. №11]
«тоже + мне + одушевленное существительное»	95,8	« <i>Уж чья бы корова мычала, а его – молчала! Также мне умник нашелся! И сам не “ам”, и другому не дам</i> » [М.А. Шолохов. Поднятая целина. Кн. 2 (1959)]
На материале основного корпуса НКРЯ, 11.02.2020		

3. Необходимо отметить высокую «диагностическую ценность» местоимений и частиц в составе формальных средств выражения упрека. Используемые по отдельности, они обладают хотя и высокой частотностью, но низкой специфичностью применительно упреку. Однако «в связке» они часто могут выступать в качестве маркеров (табл. 3).

Таблица 3

Сочетание «вопросительное местоимение + усилительная частица + личное местоимение» в формальном средстве выражения упрека

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку, %	Пример реализации в дискурсе
«что + ты + за + существительное с отрицательной коннотацией»	100	« <i>Что же ты за дрянь! Ведь я просил не пугать, а приучать животных</i> » [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998 – 2004)]
На материале основного корпуса НКРЯ, 11.02.2020		

4. Следует подчеркнуть «диагностическую ценность» обстоятельств «длительного и регулярного времени», выраженных наречиями и оборотами с различными частями речи: *вечно, постоянно, всегда, опять, снова, каждый раз, всю дорогу, без конца* и др. Обстоятельства «длительного и регулярного времени» в сочетании с личными местоимениями 2-го лица находят свое применение в упреках, передающих негативное отношение субъекта высказывания к обстоятельствам, вызванным «вторым лицом» (табл. 4).

Таблица 4

**Обстоятельство «длительного и регулярного времени» +
+ личное местоимение 2-го лица в составе формального средства
выражения упрека**

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку, %	Пример реализации в дискурсе
«вечно + личное местоимение 2-го лица им. п. + + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени»	91,5	« – Как ни позволю, <i>вечно ты сердишься</i> » [Сергей Довлатов. Записные книжки (1990)]
«опять + глагол (изъявительное наклонение, настоящее время, 2-е лицо, действительный залог) +!»	96,3	«Вика, <i>ты опять начинаешь!</i> Кто старое помянет...» [Андрей Житков. Кафедра (2000)]
«зачем + ты + всегда»	92,8	«Зачем <i>ты всегда, всегда отталкиваешь</i> меня? Ты не веришь, что я тебя люблю?» [З.Н. Гишпиус. Без талисмана (1896)]
«зачем + ты + постоянно»	100	« – Зачем <i>ты ее постоянно тюкаешь?</i> » [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // Знамя. 2010. №7]
«зачем + личное местоимение 2-го лица им. п. + + снова»	94,9	«Зачем <i>вы снова лезете</i> в мою жизнь? Кто вас звал?» [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)]

На материале основного корпуса НКРЯ, 11.02.2020

5. Семантическое поле стыда.

Для упрека характерна взаимосвязь с семантикой стыда. Данная мысль прослеживается в работах разных авторов, иногда очень далеких от лингвистики (см., например: Hanson, 1996, p. 83–114). Формальные средства выражения упрека, выявленные корпусным поиском, подтверждают эту тенденцию (табл. 5).

Таблица 5

**Формальные средства выражения упрека,
имеющие в своем составе сему «стыд»**

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку, %	Пример реализации в дискурсе
«не + стыдно + личное местоимение (2-е лицо)»	97,2	« – Наташа! Ну как вам <i>не стыдно</i> , – говорила Маргарита Николаевна, – вы грамотная, умная девушка; в очередях врут черт знает что, а вы повторяете!» [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 2 (1929–1940)]

Окончание табл. 5

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку, %	Пример реализации в дискурсе
«личное местоимение (2-е лицо) + не + совместно»	98,7	« – А чем ты гордишься, позволь тебя спросить, дал он в глаз! Да как тебе не совестно , он же младше тебя!» [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]
«срам да и только»	100	«Третьего дня на бале у губернатора он танцевал с ней два раза сряду... Срам , да и только! И чего смотрит дура мать?..» [М.Н. Загоскин. Искушитель (1838)]

На материале основного корпуса НКРЯ, 11.02.2020

Таким образом, данная работа позволяет сделать вывод о существовании в русском дискурсе «истинных» упреков, представленных на абстрактном уровне конструкциями и реализуемыми на конкретном уровне формальными средствами. Процедура корпусного поиска делает возможным эмпирическое доказательство существования в дискурсе упреков, не зависящих от контекста, посредством выявления их формальной природы. Результаты применения данного алгоритма свидетельствуют о высоком потенциале корпусного поиска как инструмента для «визуализации» формальных средств выражения упрека, а также указывают на возможность использования этого инструмента для работы с формальными средствами выражения иных языковых явлений помимо упрека.

Список литературы

- БАС = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М. ; Л., 1950–1965. Т. 4.
- Власова Е.В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006.
- ГИКРЯ = Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/> (дата обращения: 10.02.2020).
- Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2004.
- Давыдова Т.А. Речевой акт упрека в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003.
- Каразия Н.А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры : дис. ... канд. филол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2004.
- Лаврентьева Е.А. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
- Максимюк Е.В. Психозоциональное содержание жанра упрека (гендерный аспект) // Вестник ТГПУ. 2017. №11 (188). С. 18–24.
- МАС = Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. 1.

Науменко Я.М. Влияние прагматических факторов на языковое воплощение коммуникативной интенции упрека в англоязычном диалогическом дискурсе // Актуальные проблемы гуманитарного образования : сб. докл. I междунар. интернет-конф. Минск, 2014. С. 306–310.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2020).

Петрушина М.В. Модальное значение неодобрения и его речевая реализация : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций. М., 2010.

Седов К.Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005. №6. С. 87–104.

Сороченко Е.Н. Способы представления речевого жанра упрека в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» // Альманах современной науки и образования. 2007. №3-2. С. 198–200.

Федорова А.Л. Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.

Чернецкий А.Р. Тактики упрека в прагмалингвистическом аспекте (на материале французского языка) // Весті БДПУ. Сер. 1: Педагогіка. Психологія. Філологія. 2015. №3. С. 68–72.

Шмурак Р.И. К уточнению понятия упрека с помощью корпусных инструментов // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2020. Т. 79, №3. С. 24–48.

Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. М., 2004.

Goldberg A. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, 1995.

Hanson K. C. How Honorable! How Shameful! A Cultural Analysis of Matthew's Makarisms and Reproaches // *Semeia*. 1996. №68. С. 83–114.

Klein D.B. *A Plea to Economists Who Favour Liberty: Assist the Everyman*. L., 2001.

Об авторе

Роман Ильич Шмурак, доцент, Чжэцзянский университет, Китай.
E-mail: katzensprung@rambler.ru

Для цитирования:

Шмурак Р.И. Формальные средства выражения упрека в русском дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 65–79. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-6.

FORMAL TERMS OF REPROACH IN RUSSIAN DISCOURSE

R. I. Shmurak¹

¹ Zhejiang University,
310058, 866, Yuhangtang Road, Hangzhou, China

Submitted on March 15, 2020

doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-6

This article is concerned with the formal terms of reproach in Russian discourse and the corpus methods of their identification. Theoretically, it builds on the thesis that there are 'true' reproaches that can function autonomously in discourse and be adequately understood

outside their context. Practically, the article describes the corpus search for formal terms of reproach. Methodologically, it abandons the synthetic outlook of pragmalinguistics, which dominates Russian linguistics, and treats reproach as a strictly linguistic object that has discursive manifestations. This approach uses methods of corpus linguistics, which 'visualise' abstract models through arrays of real-life language data.

Keywords: reproach, corpus linguistics, constructions, Russian National Corpus, speech aggression

References

Chernyshev, V.I., ed., 1950–1965. *BAS = Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t.* [BAS = Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes.]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

Vlasova, E.V., 2005. *Rechevaya agressiya v pechatnykh SMI (na materiale nemetsko- i russkoyazychnykh gazet 30-kh i 90-kh gg. KhKh veka)* [Speech aggression in the print media (based on German and Russian-language newspapers of the 30s and 90s of the 20th century)]. Ph.D. Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (in Russ.).

Vorontsova, T.A., 2006. *Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyi podkhod* [Speech aggression: a communicative-discursive approach]. D. Litt. Chelyabinsk State University (in Russ.).

GIKRYA, n.d. *General'nyj internet-korpus russkogo yazyka* [General Internet Corpus of the Russian Language]. Available at: <https://int.webcorpora.ru/drake/> [Accessed 10 February 2020] (in Russ.).

Gulakova, I.I., 2004. *Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedeniya v konfliktnoi situatsii obshcheniya* [Communicative strategies and tactics of speech behavior in a conflict situation of communication]. Ph.D. Oryol State University (in Russ.).

Davydova, T.A., 2003. *Rechevoi akt upreka v angliiskom yazyke* [The speech act of reproach in the English language]. PhD. Irkutsk State Linguistic University (in Russ.).

Karaziya, N.A., 2004. *Pragmalingvisticheskoe issledovanie akta upreka v kontekste sovremennoi amerikanskoi rechevoi kul'tury* [A pragmalinguistic study of the act of reproach in the context of modern American speech culture]. Ph.D. Kamchatka State Pedagogical University (in Russ.).

Lavrent'eva, E.A., 2006. *Rechevye zhanry obvineniya i opravdaniya v dialogicheskom edinstve* [Speech genres of accusation and excuse in dialogic unity]. Ph.D. Novosibirsk State Pedagogical University (in Russ.).

Maksimyuk, E.V., 2017. Psychoemotional content of the genre of reproach (gender aspect). *Vestnik TGPU* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 11 (188), pp. 18–24 (in Russ.).

Evgenieva, A.P., ed., 1985–1988. *MAS = Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language: 4 volumes]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Naumenko, Ya.M., 2014. Influence of pragmatic factors on the linguistic embodiment of the communicative intention of reproach in English-language dialogical discourse. In: *I mezhdunarodnaya Internet-konferentsiya «Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya»* [The 1st International Internet Conference "Actual Problems of Humanitarian Education"]. Minsk. pp. 306–310 (in Russ.).

NKRYA, n.d. *Natsional'nyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> [Accessed 10 February 2020] (in Russ.).

Petrushina, M.V. 2005. *Modal'noe znachenie neodobreniya i ego rechevaya realizatsiya* [The modal meaning of disapproval and its speech realization]. PhD. Moscow State Regional University (in Russ.).

Rakhilina, E. V., 2010. *Lingvistika konstruksij* [Construction Linguistics]. Moscow (in Russ.).

Sedov, K. F., 2005. Aggression and manipulation in everyday communication. *Yurilingvistika* [Jurislinguistics], 6, pp. 87–104 (in Russ.).

Sorochenko, E. N., 2007. Methods of presenting the speech genre of reproach in the novel "Ordinary History" by I. A. Goncharov. *Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 3-2, pp. 198–200 (in Russ.).

Fedorova, A. L., 2004. *Rechevaya strategiya upreka: lingvokognitivnyi podkhod (na materiale nemetskogo, angliiskogo i russkogo yazykov)* [Speech strategy of reproach: the linguistic-cognitive approach (based on German, English and Russian languages)]. PhD. Bashkir State University (in Russ.).

Chernetskii, A. R., 2015. Tactics of reproach in the pragmalinguistic aspect (based on the French language). *Vesti BDPUI*. [News of Berdyansk State Pedagogical University], 1(3), pp. 68–72 (in Russ.).

Shmurak, R. I., (in press) Clarifying the concept of reproach using corpus tools. *Izvestiya RAN. Seriya literatury` i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 79(3), pp. 24–48 (in Russ.).

Shcherbinina, Y. V., 2004. *Russkii yazyk: Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya* [Russian language: Speech aggression and ways to overcome it]. Moscow (in Russ.).

Goldberg, A., 1995. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago.

Hanson, K. C., 1996. How Honorable! How Shameful! A Cultural Analysis of Matthew's Makarisms and Reproaches. *Semeia*, 68, pp. 83–114.

Klein, D. B., 2001. *A Plea to Economists Who Favour Liberty: Assist the Everyman*. London.

The author

Roman I. Shmurak, Associate Professor, Zhejiang University, China.

E-mail: katzensprung@rambler.ru

To cite this article:

Shmurak, R. I. 2020, Formal terms of reproach in Russian discourse, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 65–79. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-6.